

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

МОНЕТАЛЫ ДЛЯ ЕГО БИОГРАФИИ.

Глава I-я. Дѣтство.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26-го мая 1799 года, въ день Вознесенія ¹⁾, въ Москвѣ, на Молчановкѣ. Онъ былъ второе дитя Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны, которые за годъ до его рожденія оставили Петербургъ и поселились на житье въ Москвѣ ²⁾. Такимъ образомъ древняя столица

¹⁾ Въ послѣдствіи Пушкинъ самъ говаривалъ, что важнѣйшіе случаи жизни его связаны съ Вознесеніемъ и намѣревался въ Псковской деревнѣ своей, построить церковь Вознесенія. Сколько намъ извѣстно, онъ родился въ день Вознесенія, помолвленъ то же въ день Вознесенія и въпчался въ церкви Вознесенія (въ Москвѣ, на Никитской улицѣ).

²⁾ Почтеннѣйшій Александръ Юрьевичъ Пушкинъ въ краткой, но обильной подробностями замѣткѣ своей: *Для біографіи Пушкина* (Москвитянинъ, 1852, № 24, стр. 23), говоритъ, что Сергѣй Львовичъ, переселившись въ Москву, нанялъ домъ княженъ Щербатовыхъ, близъ Нѣмецкой слободы, и что въ этомъ домѣ родился Александръ Сергѣевичъ. Дѣйствительно Пушкины жили въ этомъ, теперь кажется не существующемъ болѣе, домѣ (подлѣ самаго Яузскаго моста, не проезжая его къ Головинскому дворцу; почти на самой Яу-

наша можетъ внести Пушкина въ длинный списокъ славныхъ людей, которыхъ дала она отечеству. Въ ней Пушкинъ провелъ первые, самые важные годы жизни, и оттого въ послѣдствіи съ такою вѣрностью и съ такимъ чувствомъ говорилъ о ней въ своихъ произведеніяхъ.

Кто же были люди, посреди коихъ началъ жизнь свою поэтъ, кто были первые его воспитатели ³⁾? Объ отцѣ его мы знаемъ ⁴⁾

зѣ, полукирпичный и полудеревянный домъ), и тутъ прошли годы младенчества поэта. Объ этомъ свидѣтельствуесть М. Н. Макаровъ. Но родился поэтъ не тамъ. Въ 1826 и 27 годахъ, живя на Собачьей площадкѣ, и проѣзжая часто по Молчановкѣ, онъ самъ не разъ говаривалъ своимъ пріятелямъ, что родился на этой улицѣ, въ приходѣ Николы на Курьихъ-Ножкахъ, но дома не могъ указать.

³⁾ Подробныя свѣдѣнія о родственникахъ поэта читатели могутъ найти въ статьѣ *Родъ и дѣтство Пушкина*, напечатанной въ Отечествен. Запискахъ (1853, № 11). Дѣтство поэта въ настоящемъ трудѣ описано подробно. Здѣсь кстати сказать, что Москвитянинъ въ своемъ замѣчаніи на вышеприведенную статью (см. 1853, № 22, стр. 125) напрасно обвиняетъ насъ въ пропускѣ семерыхъ Пушкиныхъ, подписавшихся подъ грамотою о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Смѣемъ увѣрить г. Погодина, что этотъ пропускъ вмѣстѣ съ другими произошелъ случайно. Въ рукописи пропусковъ не было.

⁴⁾ Большую часть свѣдѣній о дѣтствѣ Пушкина

только то, что онъ былъ человѣкъ пылкаго, нѣсколько раздражительнаго нрава, отличался свѣтскою любезностью, блестящимъ по своему времени образованіемъ, сценическимъ искусствомъ, каламбурами, словомъ, имѣлъ всѣ достоинства и всѣ недостатки того легкаго Французскаго воспитанія, которое получали достаточные Русскіе дворяне въ концѣ прошедшаго столѣтія. Быстрота въ переходѣ отъ однихъ ощущеній къ другимъ, пылкость и легкость характера, и острота ума, безъ сомнѣнія, перешли въ наслѣдство сыну. — Мать поэта была родная внука Африканца; самая физіономія обличала ея южное происхожденіе: ее называли прекрасною креолкою. По преданію, она тоже отличалась живостью нрава и добродушіемъ. Молодые супруги, занимавшіе выгодное положеніе въ обществѣ по родству и связямъ (поэта крестилъ дальній родственникъ—графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ), любили свѣтъ и его увеселенія. Но въ домѣ у нихъ жила старушка Марья Алексѣвна Ганнибалъ, мать Надежды Осиповны. Женщина стариннаго воспитанія, выросшая въ глуши Россіи, дочь Тамбовскаго воеводы, Марья Алексѣвна отличалась здоровымъ, простымъ образомъ мыслей. Болѣе или менѣе чуждая иноземныхъ обычаевъ, она говорила только по Русски, и въ послѣдствіи

мы заимствуемъ изъ записки, составленной со словъ сестры его, Дѣйств. Ст. Совѣтницы Ольги Сергѣевны Павлицевой, и приносимъ ей за то усерднѣйшую благодарность.

ея письмами къ внуку въ Лицей восхищался баронъ Дельвигъ. Она-то безъ сомнѣнiя была первою воспитательницею будущаго поэта. Къ ней, въ рабочую ея корзинку, залѣзалъ малютка-Пушкинъ глядѣть на ея рукодѣлье и слушать ея рассказы. Она любила вспоминать старину, и отъ нея Пушкинъ слышался семейныхъ преданiй, коими такъ дорожилъ въ послѣдствiи. Она рассказывала ему о знаменитомъ арапѣ Петра Великаго и о другихъ родственникахъ и предкахъ своихъ и своего мужа. Такъ мы знаемъ, на примѣръ, что любимый рассказъ ея былъ о дѣдушкѣ ея Ржевскомъ, къ которому ѣзжалъ Петръ Великiй ⁵⁾. Эта добрая бабушка была и первымъ учителемъ Александра Сергѣевича. Она выучила его Русскому чтенiю и письму.

По счастью и няня у Пушкина была настоящею представительницею Русскихъ нянь. Знаменитая, воспѣтая Языковымъ, Арина Родионовна, мастерски рассказывала сказки, сыпала пословицами, поговорками, знала народные повѣрiя и безспорно имѣла большое влiянiе на своего питомца, не истребленное по-

5) Ржевскiй былъ любимцемъ Петра. Марья Алексѣевна рассказывала, какъ недруги Ржевскаго подкупили его повара. Однажды государь захвалъ къ нему поужинать. Подали на столъ любимый государевъ блинчатый пирогъ. По счастью онъ не захотѣлъ его откусать; на другой день увидали въ пирогѣ таракановъ, къ коимъ, какъ извѣстно, Петръ чувствовалъ неодолимое отвращенiе.

томъ ни иностранцами-гувернерами, ни воспитаніемъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Про нее-то конечно говоритъ Пушкинъ въ одномъ изъ Лицейскихъ Стихотвореній (Сонъ, см. т. IX, стр. 307):

Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
 Она духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить меня,
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
 Огъ ужаса не шелохнусь бывало,
 Едва дыша прижмусь подъ одѣяло
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины,
 Чуть освѣщаль глубокія морщины.

Она была простая дворовая женщина, отпущенная на волю, но не захотѣвшая покидать прежнихъ господъ своихъ. Пушкинъ нѣжно къ ней привязался. Въ послѣдствіи мы еще будемъ имѣть случай говорить о ней.

Ребенокъ росъ вмѣстѣ съ старшею сестрою своею Ольгою и младшими братьями, Николаемъ ⁶⁾ и Львомъ; особенно былъ друженъ съ

⁶⁾ Эготъ братъ (который былъ старше Льва Сергѣевича) умеръ младенцемъ и похороненъ въ Вяземѣ, въ оградѣ церковной. Надъ его могилюю памятникъ, на которомъ обозначено, что онъ родился въ 1802 г., а умеръ въ 1807. Когда онъ заболѣлъ, Пушкину стало его жаль и онъ съ участіемъ подошелъ къ его кроваткѣ: больной малютка все еще хо-

первою. По ея свидѣтельству, онъ былъ толстый, молчаливый и неповоротливый мальчикъ, котораго нарочно заставляли гулять и бѣгать и который лучше любилъ оставаться дома съ бабушкою. Это былъ будущій богатырь, до времени сидѣвшій сиднемъ. Вотъ анекдотъ изъ первоначальнаго его дѣтства. Разъ Надежда Осиповна взяла его съ собою гулять. Онъ не поспѣвалъ за нею, отстагъ и усѣлся отдыхать середъ улицы; по замѣтивъ, что изъ окошка на него смотрять и смѣются, поднялся и сказалъ: «Ну, нечего скалить зубы!»

На седьмомъ году Пушкинъ сдѣлался развязнѣе и прежняя неповоротливость перешла даже въ рѣзвость и шаловливость. Няню и бабушку смѣнили гувернеры и учителя. Кромѣ Александра Ивановича Бѣликова ⁷⁾ и еще другаго священника, обучавшихъ Закону Божію и отчасти другимъ наукамъ, всѣ остальные наставники были иностранцы, наполняв-

тъль подразнить братца и высунуль ему языкъ. Пушкинъ рассказывалъ о томъ одному изъ своихъ пріятелей.

⁷⁾ Священника Маріинскаго Института, недавно умершаго. Онъ былъ извѣстенъ въ то время своими проповѣдями. Въ 1808 году напечаталъ онъ *Духъ Массильюна Епископа Клермонскаго*, пер. съ Франц. Книга эта была въ 1822 году перепечатана. Онъ же въ 1818 году издалъ *Катихизисъ, или краткое изложеніе православнаго христіанскаго закона*.

шіе въ то время Россію, благодаря революціи и неразборчивости Русскихъ дворянъ. Первымъ воспитателемъ былъ Французскій эмигрантъ, графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; потомъ нѣкто Русло, хорошо писавшій Французскіе стихи; далѣе Шедель и пр. Нѣмецкому языку, котораго съизмала не любилъ Пушкинъ, учила какая-то г-жа *Лоржъ*, сама плохо знавшая по-Нѣмецки; Англійскому гувернантка *Белли*. Былъ и еще учитель Нѣмецъ, по фамиліи *Шиллеръ*, обучавшій и Русскому языку. Ученіе шло довольно безпорядочно, въ слѣдствіе частой смѣны преподавателей. Дѣти, братъ и сестра, разумѣется, и читали, и писали, и между собою разговаривали по Французски. Французскій языкъ отъ непрерывнаго упражненія и въ классахъ, и въ гостиной, и въ разговорахъ между собою, усвоенъ былъ отлично, и въ послѣдствіи Пушкинъ владѣлъ имъ какъ своимъ роднымъ. Знаменитый графъ Алексѣй Сень-Приговорилъ, что слогъ Французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ бы честь любому Французскому писателю. По-итальянски Пушкинъ выучился также еще въ дѣтствѣ: отецъ его и дядя отлично знали этотъ языкъ.

Но и во второй періодъ своего дѣтства Пушкинъ имѣлъ возможность питаться впечатлѣніями родной природы, слышать говоръ простаго народа. Бабушка Марья Алексѣевна купила себѣ, въ 1806 году, у генеральши Тиньковой небольшое сельцо Захарово, и вся семья ежегодно стала ѣздить туда на лѣтнее

время. Захарово ⁸⁾ лежитъ верстахъ въ 40 отъ Москвы, нѣсколько вправо отъ Можайской дороги. Оно не отличается особенно хорошимъ мѣстоположеніемъ, но въ немъ можно имѣть всѣ удовольствія деревенской жизни. Не далеко отъ усадьбы березовая роща, въ которой обыкновенно при хорошей погодѣ обѣдывали и пили чай. Дальше садъ и прудъ съ огромною липою, у которой любилъ играть Пушкинъ. Въ сельцѣ раздавались Русскія пѣсни; Пушкинъ имѣлъ случай видать народные праздники, хороводы. Какъ любилъ онъ эту деревню, видно изъ того, что уже въ 1830 году, осенью, передъ своею свадьбою, онъ нарочно ѣздилъ туда, и какъ бы прощаясь съ молодостью, осматривалъ всѣ мѣста, ему памятные и заходилъ въ избу къ дочери своей няни. Въ Захаровѣ нѣтъ церкви, и жители его ходятъ молиться въ близълежащее богатое село Вязёму ⁹⁾, вотчину князей Голицыныхъ, замѣчательную въ историческомъ отношеніи: тамошняя церковь съ оригинальною колокольнею выстроена при царѣ Борисѣ, и прудъ вырытъ по его повелѣнію. Имя Бориса Годунова рано могло остановить вниманіе будущаго поэта. — Вспоминаніе объ этой деревенской жизни, Пушкинъ

⁸⁾ О Захаровѣ см. замѣтку Н. В. Берга въ Москвитянинѣ 1851 (№№ 9 и 10). Нынѣ Захарово принадлежитъ Н. Н. Орлову.

⁹⁾ О Вязёмѣ см. Ист. Госуд. Росс. т. XI, стр. 265 и 248, *второго* изданія. Въ Вязёмѣ хранится отличная старинная библіотека.

расказывалъ одному изъ друзей своихъ ¹⁰⁾ слѣдующій анекдотъ. Въ Захаровѣ жила у нихъ въ домѣ одна дальняя родственница, молодая, помѣшаная дѣвушка, помѣщавшаяся въ особой комнатѣ. Говорили и думали, что ее можно вылѣчить испугомъ. Разъ ребенокъ Пушкинъ ушелъ въ рошу, гдѣ любилъ гулять: расхаживалъ, воображалъ себя богатыремъ, и палкою сбивалъ верхушки и головки растеній. Возвращаясь домой, видитъ онъ на дворѣ свою сумасшедшую родственницу, въ бѣломъ платьѣ, растрепанную, встревоженную. «*Mon frère, on me prend pour un incendie*»—кричитъ она ему. Дѣло въ томъ, что для испуга въ окно ея комнаты провели кипку пожарной трубы. Тотчасъ догадавшись, Пушкинъ спокойно и съ любезностью началъ увѣрять ее, что она напрасно такъ думаетъ, что ее сочли не за пожаръ, а за цвѣтокъ, что цвѣты также изъ трубы поливаютъ.

Въ этотъ ранній періодъ жизни, отъ 1806 по 1811 годъ, зачалась въ Пушкинѣ его поэзія. Въ послѣдствіи онъ любилъ вспоминать это первое пробужденіе своего таланта. Послушаемъ его самого, и приведемъ стихотвореніе Музу:

Въ младенчество моему она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,

¹⁰⁾ Павлу Воиновичу Нащокину.

И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ тѣмной тѣни дубровъ,
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Огкинувъ локоны отъ милого чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ ды-
ханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
(IV, 203).

Или въ Посланіи къ Дельвигу:
О милый другъ! и мнѣ боги пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ. (III, 127.)

Безъ сомнѣнія это было высшее наитіе; ибо Пушкинъ родился поэтомъ. Но мы обязаны указать на внѣшнія обстоятельства, которые такъ рано разбудили въ немъ поэзію. Вся семья его любила словесность. Отецъ и мать часто читали дѣтямъ вслухъ разныя занимательныя книги, и первый особенно любилъ читать комедіи Мольера.

Декламація, чтеніе своихъ и чужихъ стиховъ было страстію его дяди, извѣстнаго Василія Львовича. Другіе родственники также, по тогдашнему выраженію, упражнялись въ словесности: Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ ¹¹⁾ переводилъ Мольера. Александръ

¹¹⁾ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, шгомець

Юрьевичъ Пушкинъ писалъ стихи. Въ домѣ Пушкиныхъ чтенія и декламація не умолкали. Тамъ постоянно собирались лучшіе Московскіе литераторы. Дмитріевъ ¹²⁾, Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ были связаны съ Сергѣемъ Львовичемъ и братомъ его узами короткаго знакомства и пріязни. Образованнѣйшіе Французскіе эмигранты, и въ числѣ ихъ недавно умершій графъ Ксаверій Местръ ¹³⁾, находили у нихъ самый радушный пріемъ. Однимъ словомъ, это была семья литературная ¹⁴⁾, и Пушкинъ въ послѣдствіи

Московского Университета, переводчикъ нѣкоторыхъ Французскихъ комедій.

- ¹²⁾ И. И. Дмитріевъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Пушкиными. Известна его литературная шутка съ Васи́лемъ Львовичемъ. Онъ искалъ руки Анны Львовны, столь известной по стихамъ на смерть ея. Она рѣшилась оставаться въ дѣвцахъ и получивъ отказъ, Дмитріевъ написалъ къ ней посланіе, начинающееся такъ:

Прелеста, веселись, мой рокъ уже рѣшился,
Внимай и торжествуй, я съ ревностью про-
стился.

(См. сочин. И. И. Дмитріева, изд. 5-е, 1818 года, часть 2-я стр. 80. Посланіе это называется: О выгодахъ быть любимицею стихотворца).

- ¹³⁾ Авторъ книги: *Voyage autour de ma chambre*, братъ известнаго Юсіа Местра, который также паходился съ Пушкиными въ короткомъ знакомствѣ.

- ¹⁴⁾ Почтенный библиографъ нашъ С. Д. Полто-

справедливо писалъ своему брату: «Если ты въ родню, такъ ты литераторъ.» — Съ другой стороны ребенокъ Пушкинъ, плохо твердившій уроки и беспорядочно учившійся, рано получилъ страсть къ чтенію, и эта страсть нашла себѣ обильную пищу въ прекрасной библіотекѣ отца, составленной изъ лучшихъ произведеній по преимуществу Французской словесности. Онъ забирался въ библіотеку и читалъ много. Такъ онъ прочелъ всю Илладу и Одиссею во Французскомъ переводѣ Битобе, всего Плутарха, множество романовъ. Прибавимъ къ сему, что безпрестанные домашніе спектакли, до которыхъ и отецъ и дяди были страстные охотники, должны были развивать и воспламенять воображеніе геніальнаго мальчика. Страсть къ подражанію въ дѣтяхъ, какъ извѣстно, очень сильна, и потому не мудрено, что онъ захотѣлъ самъ заговорить мѣрною рѣчью, которую безпрестанно слышалъ вокругъ себя. Разумѣется, первые попытки его въ стихотворствѣ были на языкѣ Французскомъ, и до поступленія въ Лицей онъ не писалъ никакихъ Русскихъ стиховъ. Но читателямъ пріятнѣе будетъ узнать объ этой порѣ его жизни отъ друга и товарища его дѣтства, сестры его.

«Любимымъ его упражненіемъ, говорить она, сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ

рацкіѣ насчитываетъ до восьми Пушкиныхъ-писателей.

сестрою, которая въ этомъ случаѣ составляла всю публику и произносила свой судъ. Однажды какъ-то она освистала его піеску: *Escamoteur*. Онъ не обидѣлся, и самъ на себя написалъ эпиграмму.

«Въ тоже время пробовалъ онъ сочинять басни, а потомъ, уже десяти лѣтъ отъ роду, начитавшись порядочно, особенно Ганриады, написалъ цѣлую героическо-комическую поэму, пѣсняхъ въ 6-ти, подъ названіемъ *Toliade*, которой героемъ былъ одинъ карликъ короля Дагоберта, а содержаніемъ война между карлами и карлицами.

«Гувернантка подстерегла тетрадку, и отдавая ее гувернеру Шёделю, жаловалась, что M. Alexandre занимается такимъ вздоромъ, отъ чего и не знаетъ никогда своего урока. Шёдель, прочитавъ первые стихи, расхохотался. Тогда маленькій авторъ расплакался и, въ пылу оскорбленнаго самолюбія, бросилъ свою поэму въ печь. И въ самомъ дѣлѣ, полагаясь на свою счастливую память, онъ никогда не твердилъ уроковъ, а повторялъ ихъ вслѣдъ за сестрою, когда ее спрашивали. Нерѣдко учитель спрашивалъ его перваго, и такимъ образомъ ставилъ его въ тупикъ. Ариметика казалась для него недоступною, и онъ часто надъ первыми четырьмя правилами, особенно надъ дѣленіемъ, заливался горькими слезами.»

Вотъ и другое свидѣтельство о дѣтствѣ Пушкина. М. Н. Макаровъ, часто посѣщавшій вмѣстѣ съ другими литераторами домъ Пушкиныхъ, сохранилъ намъ въ своихъ вос-

поминанiяхъ ¹⁵⁾ слѣдующія черты ребенка-поэта. «Молодой Пушкинъ, говоритъ онъ, какъ въ эти дни мнѣ казалось, былъ скромный ребенокъ; онъ очень понималъ себя, но никогда не вмѣшивался въ дѣла большихъ, и почти вѣчно сиживалъ какъ-то въ уголочкѣ, а иногда ставалъ прижавшись къ тому стулу, на которомъ угораздился какойнибудь добрый ораторъ, басенный эпиграматистъ и проч..... Однажды, когда одинъ поэтъ-морякъ провозглашалъ торжественно свои стихи и гдѣ какъ-то пришли:

И этотъ кортикъ,
И этотъ чортикъ!

Александръ Сергѣевичъ такъ громко захохоталъ, что Надежда Осиповна подала ему знакъ — и онъ насъ оставилъ.» — Пушкины жили въ сосѣдствѣ и въ короткомъ знакомствѣ съ семейю графа Д. П. Бутурлина ¹⁶⁾,

¹⁵⁾ См. Современникъ 1843 г. № 3-й, статью Макарова: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ дѣтствѣ*.

¹⁶⁾ Графъ Д. П. Бутурлинъ, служившій адъютантомъ у Потемкина, по иностранной корреспонденціи, и потомъ вмѣстѣ съ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, объѣздившій болѣе 11 нашихъ губерній (такъ называемая коммиссія для обозрѣнiя государства, 1786 — 1787) около того времени о коемъ идетъ рѣчь, былъ однимъ изъ четырехъ управляющихъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Знаменитая библіотека его сгорѣ-

тоже весьма образованною и любившею литературныя бесѣды. Обѣ семьи часто видались ¹⁷⁾, и вотъ, «въ одинъ майскій вечеръ, рассказываетъ г. Макаровъ, собралось нѣсколько человекъ въ Московскомъ саду графа Бутурлина. Молодой Пушкинъ былъ тутъ же и рѣзвился, какъ дитя съ дѣтьми. Известный графъ П..... упомянулъ о дарѣ стихотворства въ Александрѣ Сергѣевичѣ. Графиня Анна Артемьевна Бутурлина, чтобъ какънибудь не огорчить молодаго поэта, можетъ быть, нескромнымъ словомъ о его пѣтическомъ дарѣ, обращалась съ похвалою только къ его полезнымъ занятіямъ, но никакъ не хотѣла, чтобъ онъ показывалъ намъ свои стихи; за то множество жившихъ у нея молодыхъ дѣвушекъ иностранокъ и Русскихъ почти тутъ же окружили Пушкина и стали просить, чтобъ онъ написалъ имъ чтонибудь въ альбомы. Поэтъ-дитя смѣшался. Нѣкто NN. прочелъ дѣтскій *катренъ* его и прочелъ по своему, какъ замѣтили тогда, по образцу высокой рѣчи на о. Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только сказать: Ah! mon Dieu и выбѣжалъ. Я нашелъ его въ огромной библио-

ла въ 1812 году; въ послѣдствіи онъ собралъ другую, то же весьма известную библиоманамъ.

¹⁷⁾ Кромъ Бутурлиныхъ, маленькій Пушкинъ часто бывалъ у Трубецкихъ (князя Ивана Дмитриевича) и у Сушковыхъ (Николая Михайловича, то же литератора), а по четвергамъ его возили на знаменитые, недавно только прекратившіяся дѣтскіе балы-санимейстера Югея.

текѣ графа Дмитрія Петровича; онъ разглядывалъ затылки сафьянныхъ фоліантовъ и былъ очень недоволенъ собою. Я подошелъ къ нему и что-то сказалъ о книгахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: повѣрите ли, этотъ NN. такъ меня озадачилъ, что я не понимаю даже и книжныхъ затылковъ.»

Уже спорили о ребенкѣ, уже одни восхищались его ребяческими опытами, другіе качали головою. Къ сожалѣнію, всѣ эти первые поэтическіе опыты его не дошли до насъ и вѣроятно совсѣмъ утратились.

Эти краткія свѣдѣнія о младенчествѣ и первомъ отрочествѣ Пушкина заключимъ описаніемъ его дѣтской физіономіи. По свидѣтельству Макарова онъ былъ не изъ рослыхъ дѣтей и все съ тѣми же Африканскими чертами, съ какими былъ и взрослымъ, но волосы въ малолѣтствѣ его были такъ кудрявы и такъ изящно завивались, что однажды И. И. Дмитріевъ сказалъ Макарову: «Посмотрите, вѣдь это настоящій арапчикъ», на что Пушкинъ проворно и очень смѣло проговорилъ: «По крайней мѣрѣ не рябчикъ»¹⁸⁾. Замѣтимъ также, что лѣтъ до 17 онъ былъ бѣлокуръ.

П. Бартенева.

(Изъ № 71-ю Московскихъ Вѣдомостей 1854 г.)

Въ Университетской Типографіи.

18) ~~Какъ известно, И. И. Дмитріевъ былъ рябч~~